

Введение

XVI и XVII столетия, примерно обозначенные между 1492 и 1726 гг., знаменуют собой поворотный период в истории испанского языка, который получил однозначную и общепризнанную оценку как эпоха «золотого испанского» («el español áureo») в работах всех испанистов. Однако это не значит, что язык на всем ее протяжении был как некая однородная сущность. С лингвистической точки зрения он представляет собой переходное явление от средневекового состояния к современному; при этом данные хронологические рамки не одинаково применимы к различным языковым явлениям и никоим образом не ограничивают их развитие.

Специалисты в области испанской филологии скорее склоняются к выделению трех субпериодов внутри вышеобозначенного временного промежутка: первый датируется примерно 1492 и 1556 гг. и отмечен такими событиями в истории языка, как выход в свет первой кастильской Грамматики Антонио Небрихи, Грамматик Вильялона и анонимных авторов 1555 и 1559 гг., а также написанием таких литературных произведений, как *Celestina* и *Lazarillo*; второй охватывает период примерно с 1556 по 1648 гг. и совпадает с Золотым веком в испанской литературе, когда был написан основной корпус грамматических трудов по кастильскому языку и лучшие произведения, принесшие испанским авторам мировую славу; третий (1648–1726) обозначен выходом в свет Грамматики Хуана Вильяра (1651) и учреждением Испанской королевской

академии (1713), а также литературной деятельностью Кальдерона, поэтов и прозаиков направления барокко до Падре Бенито Херонимо Фейхоо (1676–1764). Такое хронологическое представление является, естественно, несколько искусственным, поскольку языковые изменения не имеют четких временных границ, однако в целом оно отражает движение лингвистической и литературной мысли испанского лингвокультурного сообщества, а также эволюцию испанского языкового сознания в сторону нормирования и стандартизации.

Естественно, что многие языковые процессы берут лишь начало, но не завершаются в указанные временные рамки; однако сам факт их фиксации свидетельствует об определенном настроении коллективного лингвистического менталитета, демонстрирующего собственную предпочтительность в выражении мысли на своем родном языке. Языковое состояние является как бы внешним отражением языкового сознания сообщества, которое имеет свою эволюцию и историю, а также во многом определяет пути развития своего родного языка. В данной работе под языковым сознанием понимается соотнесенная с особенностями национальной культуры и национальной психологии «совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками» (Русское слово, 2004, с. 40). Однако данная краткая дефиниция не дает исчерпывающую характеристику этого неоднозначного термина, подразумевающего также и оценочное отношение говорящих к своему языку, знаменующее определенный этап развития социума, уже способного охарактеризовать вверенное ему языковое достояние.

В специальной литературе различаются три разновидности языкового сознания: усвоенное на подсознательном уровне общепринятое лингвистическое сознание среднестатистического носителя языка, не отдающего себе отчета в причине существования в языке тех или иных форм; профессиональное лингвистическое сознание, подвергающее научному анализу любое языковое явление; литературное

лингвистическое сознание, руководствующееся исключительно стилистической модой времени и использующее в соответствии с ней те или иные средства из арсенала своего языка. Все три разновидности языкового сознания объединяет одно — то, что их носители являются пользователями языка на бессознательном уровне, объединенными в однородное лингвистическое пространство благодаря единому лингвистическому менталитету, в одинаковой степени усвоенному каждым представителем конкретного лингвокультурного сообщества.

В соответствии с вышеприведенными дефинициями цель данной работы заключается в исследовании способов выражения морфологических категорий частей речи испанского языка, а также его синтаксических конструкций, наиболее четко отражающих структурирование испанского языкового сознания конкретной эпохи согласно национально-специфическим преференциям языкового коллектива, способного дать профессиональную оценку своей языковой практики. Сформулированная цель предполагает следующие конкретные задачи:

- описание умонастроения испаноязычного сообщества в конкретную историческую эпоху как общего фона зарождения языкового самосознания социума;
- исследование описания частей речи кастильского языка в грамматиках XVI–XVII вв., отражающих профессиональный взгляд на языковую реальность того времени;
- анализ способов выражения морфологических категорий частей речи испанского языка с позиций современной лингвистической науки;
- рассмотрение принципов синтаксической сочетаемости слов в предложении, изложенных в грамматических трактатах XVI–XVII вв.;
- анализ стилистических тенденций в литературной практике Золотого века;
- исследование синтаксиса испанского словосочетания и предложения конкретного периода в современном научном освещении;

- выявление грамматических категорий испанского языка, обнаруживающих национально-специфические способы своего выражения.

Функционирование языка вообще неотделимо от его носителей и от их коллективного лингвистического менталитета; все, что «происходит» в языке (сдвиги, изменения), зависит исключительно от коллективного лингвистического мнения, отдающего предпочтение той или иной форме в зависимости от своих собственных, имеющих наибольшую важность предпочтений. В данном случае в основе всех сдвигов и изменений лежат требования адекватного отражения развивающейся объективной реальности и человеческой деятельности (например, необходимость конкретизации действия или именованного новых объектов), а вот форма их отображения в языке (конкретизация действия в испанском при помощи перифраз и составных временных форм) есть результат творчества данного языкового коллектива, подобравшего именно ее согласно семантико-структурным особенностям своего языка, часто называемым его «внутренней формой». Отображая в языке высшие сущности объективного бытия, количество которых строго определено (имеются в виду десять категорий Аристотеля), коллективное лингвистическое сознание не может выйти за пределы данного очерченного круга, ибо он охватывает все возможные бытийные реализации (сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание/состояние, действие, претерпевание). Простор для языкового творчества открывается там, где речь идет о способах и формах отображения данных высших сущностей, чья совокупность являет конкретную индивидуальность каждого языка. Набор данных форм строго индивидуален, все они также однозначно согласованы со способами категоризации, принятыми каждым конкретным языковым коллективом в соответствии с только ему одному ведомыми мыслительными предпочтениями, определяющими ход (в какой-то степени стиль) коллективной лингвистической мысли. Таким образом, в творческом моделировании

морфосинтаксических схем выражения смысла коллективное лингвистическое сознание руководствуется как требованиями объективной реальности (при использовании новых словообразовательных моделей, например), так и индивидуальным развитием коллективной мысли на конкретном языке (появление составных временных форм, многочисленных перифрастических конструкций). Кроме того, на определенном этапе языкового развития к этому процессу могут примешиваться и сиюминутные веяния быстротечной стилистической моды, детерминирующие выбор той или иной формы (как, например, выбор латинизированной или собственно кастильской словоформы), и свидетельствующие о высокой степени развитости языка, уже способного предоставить своим носителям свободу выбора.